

Модели классовообразования в посткоммунистическом мире

В.И. ИЛЬИН

Самого поверхностного взгляда на процесс классовообразования в посткоммунистических странах достаточно, чтобы увидеть, как общая тенденция формирования капиталистической экономики и неизбежно сопутствующее ей классовообразование облекается в более или менее специфические формы. Из этого наблюдения и вытекает основной вопрос данной статьи: Каковы модели классовообразования в посткоммунистических странах и факторы их выбора? Хотя в поле зрения находятся вся совокупность стран, прошедших через этап государственного социализма как разновидности этакратизма, внимание фокусируется в первую очередь на России.

Методологическое введение

Слова «класс» и «классовая структура» являются ключевыми в разных методологических традициях, поэтому нельзя говорить о классовообразовании, не обговорив предварительно смысл, вкладываемый в это базовое понятие. В данном случае я говорю о классах в русле неомарксистской традиции. В контексте данной статьи важны следующие исходные принципы:

Классовая структура – это распределение экономической власти в социальном пространстве в соответствии с логикой рынка. Главный водораздел в классовой структуре проходит между работодателями и наемными работниками. Отказ от классового анализа предполагает обоснование тезиса о неравном распределении экономической власти посредством рыночных механизмов;

Зрелая классовая структура возможна только в рыночном обществе. Поэтому рынок выступает и предпосылкой формирования такой структуры, и мерилom ее зрелости;

Индивиды включаются в процесс распределения экономической власти в основном через рынок труда (но не только!).

Исходя из этого, процесс классовообразования включает в себя два ключевых более частных институциональных процесса:

1. Формирование рынка труда и капиталов.
2. Формирование института частной собственности на капитал.

История знает две модели классовообразования: снизу и сверху. В первом случае классы формируются в процессе первоначального накопления капитала, происходящего в ходе рыночного производства и обмена. Во втором случае ключевую роль в организации первоначального накопления частного капитала играет государство. В реальном историческом процессе, как правило, эти модели переплетаются, но соотношение составляющих существенно различается. Мера и форма государственного участия в процессах первоначального накопления и перераспределения капиталов выступает критерием выделения моделей классовообразования.

Исторические предпосылки

Классообразование в посткоммунистических странах в существенной мере предопределено предшествующим историческим развитием. Этот тезис столь же универсален, сколь и банален: любое диалектическое развитие предполагает формирование нового на основе старого, которое частично интегрируется в новое качество. Эта идея, четко сформулированная Гегелем, была переведена на язык социального анализа в классическом марксизме. Затем она была конкретизирована применительно к тематике постсоциалистической трансформации в современной концепции, объясняющей формирование рыночного демократического общества влиянием коммунистического прошлого.

Все страны, вставшие на путь перехода от государственного социализма как разновидности этакратизма к капитализму, имеют общий знаменатель, которым является однотипность исторического пути. Составной его частью являются общие механизмы формирования социальной структуры.

1. Государство выступало как конструктор социальной структуры, распределяя жизненно важные ресурсы на основе им самим же формулируемых правил или «революционной целесообразности».

2. Отсутствовал рынок как регулятор распределения ресурсов в социальном пространстве. Формально рынок был, но это был так называемый «социалистический рынок», т. е. государственное распределение с использованием формальных рычагов, напоминающих рыночные регуляторы.

3. Отсутствовала полномасштабная частная собственность на капитал. Это не исключало наличие более или менее заметной теневой социальной структуры, неотъемлемой частью которой являлся теневой частный капитал (в основном мелкий).

4. Распределение материальных благ осуществлялось в соответствии с местом в индивида и группы в государственной системе. Иначе говоря, все были служащими единого работодателя. И статус в этой системе конвертировался в разные жизненно важные блага.

В то же время исторические предпосылки классовообразования в разных странах имеют существенные особенности:

(1) Социокультурные (цивилизационные) особенности докоммунистического периода [См. подробнее *Шкарман* 2004]. Из всех европейских стран, Россия испытывала наиболее сильное влияние восточных цивилизаций. Ее культурные истоки тесно переплетались, с одной стороны, с азиатской логикой исторического развития, привнесенной многовековым татаро-монгольским завоеванием, а с другой – с византийской традицией, пропитавшей не только религиозную, но и государственную системы. Схожие исторические корни имели страны Юго-Восточной Европы, где византийские традиции переплелись с турецкими. В то же время страны Центральной Европы опирались на совершенно иные религиозные и политические традиции. Китай и Вьетнам являются носителями чистой восточной традиции, подвергшейся некоторому влиянию в колониальную эпоху. Ядро этой традиции – ключевая роль государства в формировании всех сторон общественной жизни. Традиция макро-уровня пропитывает повседневную жизнь людей, формируя устойчивые формы их взаимодействия и между собой, и с властью.

(2) Длительность коммунистического периода. Постсоветские страны (исключая Прибалтику) прожили в условиях государственного социализма на целую историческую эпоху дольше, остальных стран, входивших в социалистическую систему. И это была эпоха самых жестких методов социальной реструктуризации. Остальные страны шли этим же путем, но не в столь жестоких формах. У системы коммунистического этакратизма в Европе была своя иерархия: ее ядром была Россия и

большинство республик СССР, полупериферия и периферия [*Шкартан* 2006, с. 13]. Исключением является Китай, где культурная революция показала пример восточного революционного деспотизма, трансформирующего общество по самым причудливым образцам. Китай стал вторым центром коммунистического этакратизма.

(3) Степень завершенности огосударствления хозяйственной сферы. Идея тотального государственного учета и контроля начала превращаться в реальность в непродолжительный период «военного коммунизма» в России (1918–1920 годы). Здесь идеологические ориентиры подкреплялись логикой военного времени, толкавшей к простому решению вопросов распределения и производства через принуждение. Новая экономическая политика была передышкой. Сталинизм стал новой крупномасштабной и длительной попыткой превращения тоталитарной утопии в реальность. Главным полигоном для него стал Советский Союз, хотя в мягких формах сталинские эксперименты имели место и в других странах советского блока. После смерти Сталина начался постепенный отказ от попыток реализации тоталитарной утопии в ее чистом виде. Исключением стали Китай и Албания, которые пошли по пути продолжения сталинизма. Культурная революция в Китае пошла дальше классического сталинизма во многих сферах, в том числе и в обобществлении хозяйства: крестьян загнали в коммуны, где обобществлялось все производство и потребление. Правда, этот эксперимент был недолгим. Он не только не сформировал тоталитарную традицию, но и создал мощный потенциал для обратного движения к рынку. Для китайских крестьян, столкнувшихся с обобществлением в самых нелепых его формах, частное хозяйство превратилось в мечту.

В рамках государственного способа производства шло формирование теневой классовой структуры как следствие стихийного перераспределения экономических ресурсов. Государство не в состоянии обеспечить тотальный контроль и учет. Тоталитаризм – это миф, не поддающийся реализации и размываемый непреодолимым частнособственническим инстинктом. Этот инстинкт пробивал себе дорогу через все щели государственного контроля, проявляясь в массовом расхищении государственной собственности, в ее использовании с целью извлечения личной прибыли и т. д.

Осознание утопичности модели тотального государственного управления привело к поиску мягких форм государственного социализма, интегральной частью которых стало заимствование рыночных рычагов. Рывком к рыночному социализму стала «пражская весна» 1968 г., подавленная советской оккупацией. В Венгрии в

области хозяйства пошли тем же путем, которым пытались идти чехословацкие реформаторы. Но рыночные эксперименты шли под громкие заверения в верности марксизму-ленинизму и дружбе с Советским Союзом, что обеспечило их нормальный ход. История Венгрии периода правления Я. Кадара вызывает ассоциации с современными рыночными реформами в Китае и Вьетнаме, проводимыми при сохранении руководящей роли коммунистической партии.

Польша и Югославия сохранили мелкотоварный уклад в сельском хозяйстве и мелкой розничной торговле, сфере услуг. Мелкий бизнес сохранялся и во Вьетнаме.

(4) Геополитическое положение страны. Это один из ключевых факторов формирующих контекст социальных процессов. В этом факторе можно выделить две взаимосвязанные составляющие:

А. Наличие или отсутствие оснований для великодержавных амбиций. Россия и Китай в силу их природного и человеческого потенциала всегда имели основания претендовать на статус великих держав. А поддержание этого статуса требует огромных экономических ресурсов. В условиях относительно низкого уровня хозяйственного развития великодержавные амбиции могли опираться только на радикальную централизацию и мобилизацию рычагов распределения в руках государства. Малые страны по определению лишены оснований для великодержавных амбиций (хотя потеря ориентации в пространстве у их лидеров тоже случается). Отсюда вытекает меньшее стремление к мобилизации посредством государственной централизации.

Б. Наличие осознанных внешних угроз. Советский Союз сформировался в условиях, когда внешние угрозы были явные и однозначные. Противостоять им можно было лишь на пути жесточайшей мобилизации всех ресурсов. Страны, присоединившиеся к советской системе после второй мировой войны, жили в условиях противоречивого внешнеполитического дискурса. Страны НАТО не представляли такой однозначной и реальной угрозы как некогда нацистская Германия. Кроме того, для многих жителей Восточной Европы это был уже спорный вопрос: исходит ли от НАТО военная угроза? Отсюда отсутствие осознанной необходимости в создании механизмов жесткой мобилизации. Советский Союз навязывал образ Запада как врага, используя его в качестве мобилизующего инструмента. Однако близкое соприкосновение Восточной Европы с Западом в условиях мирной конкуренции, требовало смягчения режима распределения в пользу повышения роли социальных

расходов. В результате основное бремя поддержания военного равновесия с Западом падало на Советский Союз, вынуждая его к воспроизводству мобилизационных механизмов хозяйствования.

Как следствие всего комплекса исторических и геополитических особенностей страны Восточной Европы, входившие в советский блок, имели более либеральные социально-экономические системы (исключение являлась лишь Албания и в меньшей мере Румыния).

Общие черты посткоммунистической социальной трансформации

Процесс преобразования государственного социализма в капиталистическое общество во всех посткоммунистических странах имел ряд общих черт.

1. Государство выступило как ключевой агент реструктуризации социальной системы. По сути дела это было продолжение логики этакратизма: государство сыграло роль ключевого конструктора новой конфигурации социального пространства.

2. Государство стало инициатором и организатором приватизации своей собственности.

3. Государство взяло на себя организацию формирования института рынка труда и капиталов.

Все эти процессы сводятся к общему знаменателю: Классообразование шло сверху. Формирование классовой структуры снизу носило периферийный характер. Таким путем шло первоначальное накопление в мелком бизнесе. Логика рыночного перераспределения вовлекала тех, кто стал собственником в результате приватизации государственной собственности.

Следствием этих институциональных преобразований стала либерализация общества:

Во-первых, во всех странах появились классы частных собственников.

Во-вторых, наметилась тенденция к обретению ими социальной автономии по отношению к государству.

Либерально-олигархический вариант классообразования

В наиболее ярком виде он получил развитие в России в 1990-е годы. В меньших масштабах он имел место и в Украине. В основе этого пути лежат две предпосылки.

Во-первых, это кризис государства, которое оказывается не в состоянии эффективно контролировать социально-экономические процессы, происходящие на его территории. Стержнем советского государственного управления был партийный аппарат, нанизывавший на одну вертикаль и предприятия, и города, и регионы. С развалом КПСС этот стержень исчез. В качестве общегосударственного каркаса попытались использовать систему совершенно формальной демократии, не опирающейся ни на партийную систему, ни на независимые СМИ, ни на гражданское общество во всех своих многочисленных возможных проявлениях. В этих условиях приватизация вполне естественно пошла в форме простого растаскивания государственной собственности теми, кто имел силу [см. *Хлебников 2001*]. Либерализация приобрела формы дезорганизации. Государство утратило способность контролировать происходящие в обществе процессы.

Во-вторых, формирование крупного частного капитала. Этот процесс в существенной мере вытекал из отраслевой структуры российской экономики. Высокий уровень технологической концентрации производства в ряде отраслей (добыча газа, нефти, угля, производство металла) диктовал необходимость ее сохранения в процессе приватизации. Концентрация капитала означает концентрацию экономической власти, передаваемой из рук государства в частные руки.

В России эти две предпосылки тесно переплелись. Разваливающееся государство, будучи не в состоянии провести приватизацию планомерно и в интересах всего общества, в спешном порядке передавало собственность тем, кто был частью бюрократии или был близок к ней. Фактически крупные капиталисты назначались так же, как назначаются министры. В их ведение была передана существенная часть эффективных экономических ресурсов. Так возникли так называемые «олигархи». Крупный олигархический бизнес возник в результате не рыночной, а административной конкуренции в рамках государственного аппарата. Олигархи появились как доверенные лица политиков и чиновников, курировавших процессы приватизации. Таким образом, крупная буржуазия рождалась в рамках логики этакратической традиции.

Будучи порождением бюрократии в качестве ее неформальных доверенных лиц, олигархи неизбежно начали превращаться в самостоятельных субъектов

экономического и политического процесса. Возник феномен «политикообразующего бизнеса» [Шкаратан 2006, с. 7]. Уже к 1996 г. они вели себя как реальные хозяева страны. Их политическое поведение следует принципам классической марксистской теории государства: кому принадлежат средства производства, тому принадлежит и государственная власть. Характерное для любого бизнеса стремление выйти из-под контроля государства приводит к установлению в той или иной мере контроля над государством со стороны олигархов. В свою очередь неформальный контроль над государством используется для продолжения приватизации в интересах крупного бизнеса. Крупный капитал, созданный государством через приватизацию, обретя силу, стремится приватизировать государство, превратив его в инструмент реализации интересов олигархических групп. Этот феномен иногда определяют как «захват государства» (“state capture”) [Hellman et al. 2000].

Олигархическая модель классовообразования проявила себя на всех уровнях: федеральном, региональном, местном. Повсюду начали появляться свои олигархи, порожденные бюрократией и выходящие из-под ее контроля, чтобы стать реальными хозяевами не только экономических, но и политических ресурсов.

Однако олигархическая модель содержала в себе ловушку. Олигархический капитал формировался не по закону, а «по понятиям». Он по определению был в глазах общества нелегитимным. И ссылки на законы, писавшиеся правящей элитой под себя, или на умело придуманные ею же лазейки во внешне приличном законодательстве, не меняют сути дела. Чудеса стремительного обогащения покрыты тайной. За ними стоят неформальные соглашения, личные связи, нигде не прописанные обязательства тесно связывающие капитал с бюрократией. Такой механизм формирования крупного капитала по воле власти создавал возможности для выхода олигархов из-под контроля породивших его сил в государственном аппарате. В результате немало творцов первоначального накопления остались почти ни с чем, в лучшем случае сохранив за собой зыбкие кресла в органах власти.

В свою очередь эта модель породила и зыбкость олигархического богатства. Бизнес, порожденный в существенной мере в обход формальных институтов государственной власти, опирался на индивидуальные каналы влияния: личные связи с чиновниками и политиками, индивидуальные акты подкупа и т. д. Государство превратилось в большой рынок административно-политических услуг, не имеющий четкого институционального основания. Эта система казалась вечной, поэтому

российский бизнес не создал ни мощных классовых организаций, ни политических партий, отстаивающих его интересы, ни системы независимых СМИ, способных контролировать государство. Более того, капиталу, опирающемуся на индивидуальные неформальные сети, действующие нередко вопреки закону, такие институты просто опасны. Но система личных сетей, в которых идет постоянная борьба за власть и деньги, – крайне зыбкое основание для собственности.

В этих условиях единственной гарантией неприкосновенности капитала становится его вывоз на Запад, его инвестиции в систему с высоким уровнем правовой стабильности. Таким образом, сомнительное происхождение крупного российского капитала толкало его на путь глобализации, на путь интеграции в глобальный капитал.

Однако на пути этой тенденции стоит сугубо технологическое препятствие: крупный российский капитал связан в основном с производством и первичной переработкой сырья. Нефтяные скважины и металлургические заводы в Лондон не вывезешь.

Экспортная ориентация крупного бизнеса обусловила тенденцию к его быстрой интеграции в процессы экономической глобализации. Поскольку олигархи предлагали на мировом рынке, прежде всего сырье, (нефть, газ) или продукцию невысокой степени переработки (металлы), то глобальный бизнес охотно открывал им свои рынки. Наметилась тенденция интернационализации крупных сырьевых компаний. В этой матрице интересов роль России как страны сводилась к месторождениям и территории, по которой производится транспортировка ресурсов.

Для такого бизнеса желательно слабое государство, от которого требуется только защита процесса добычи и экспорта ресурсов при неспособности обеспечить реальное налогообложение. В этой матрице интересов важное место отводится демократической системе, характеризующейся (1) контролем СМИ (прежде всего, конечно, телевидения) крупным капиталом; (2) парламентом, депутаты и целые фракции которого зависят от финансовой поддержки крупного бизнеса; (3) коррумпированной исполнительной властью, решения которой покупаются на рыночных основаниях.

Олигархический вариант классовообразования создавал социальный потенциал для анти-либеральной реакции.

Во-первых, бюрократия, породившая олигархов как своих полномочных представителей, оказалась исполнительницей вспомогательных функций. Подставные

лица начали вести себя как подлинные хозяева, рассматривая политиков и чиновников как обслуживающий персонал. Люди, имеющие формальную государственную власть, люди, породившие своими усилиями крупный капитал, нередко оказывались в роли обиженных. Назрел конфликт интересов чиновничества и крупной буржуазии.

Во-вторых, дезорганизация государства, его обнищание при наращивании экспорта, вела к болезненной дезорганизации повседневной социальной жизни общества. Мелкий и средний бизнес оказался в существенной мере под контролем бандитских группировок. Наемные работники в массовом масштабе страдали от систематических и длительных задержек заработной платы в условиях инфляции. Пенсионный фонд был не в состоянии регулярно платить даже мизерные пенсии. Все это создало основу для союза бюрократии и разных слоев российского общества.

В-третьих, дезорганизация повседневной социальной жизни широких слоев населения происходила на фоне быстрого превращения в России в бедную страну, выполняющую в мировом разделении труда функцию сырьевого придатка. Все это создавало социальную основу для националистического дискурса, т. е. определения ситуации в терминах великодержавности, нации, империализма, глобального конфликта и т. д. Таким образом, бюрократический реванш начался под лозунгами возрождения великой России, что имеет серьезные последствия для процессов классовообразования.

В России антиолигархическая реакция приняла эволюционные формы. В. Путин, будучи прямым ставленником олигархической системы, сначала укрепил аппаратную вертикаль, а потом возглавил бюрократический реванш, опирающийся на существенную поддержку населения. Олигархи, которые не поняли сути происходящего, быстро лишились своего положения (Гусинский, Березовский, Ходорковский). Другие столь же быстро пошли на компромисс с властью, встав на путь легитимации своего капитала посредством финансирования и государственных проектов, и личных интересов ключевых политических фигур.

Цветные революции, прокатившиеся по ряду постсоветских стран, были по своей сути также антиолигархической реакцией. Массовое недовольство было направлено против власти, обросшей олигархическими группировками, которые отстаивали частные интересы, опираясь на силу государства, становившееся объектом приватизации. И первыми актами цветных революций в Украине и Грузии, актами, призванными удовлетворить гнев масс, стали шаги в сторону пересмотра результатов

олигархической приватизации. Правда, как и в России, здесь вскоре возникли большие сомнения: а не являются ли эти действия простым переделом собственности в пользу новых групп буржуазии, вырастающих из недр государственной власти?

В Китае процесс приватизации шел при сохранении сильного авторитарного государства, в котором корпоративный интерес доминирует над любым частным. Некоторые попытки преуспевших бизнесменов вести себя независимо по отношению к власти (даже региональной) быстро пресекались.

Либеральный вариант классовообразования в Восточной Европе

Важную роль в выборе этого пути развития играет геополитика. Малые страны Восточной Европы, ранее либо входившие в состав СССР, либо находившиеся в сфере его контроля, в современном мире не имеют шансов на реальную независимость. Раньше был выбор между двумя полюсами: советским и западным (США и Западная Европа). После развала СССР альтернатива исчезла. Своего потенциала для того, чтобы играть на мировой арене свою игру, у них нет. Россия слишком слаба, чтобы претендовать на роль мирового центра притяжения. Поэтому остается один путь интеграции в Европейский союз и блок НАТО. Это путь ограниченного суверенитета.

Такой геополитический расклад в существенной мере формирует контуры классовообразования в данном регионе. Его основными чертами являются:

Привлечение иностранного капитала как ключевой фактор экономической стратегии государств. Удельный вес прямых иностранных инвестиций в отношении к ВВП составил в 2000 г. в Чехии 9,1%, Молдове – 7,1%, Болгарии – 8,1%, Польше – 5,9%, Венгрии – 3,5%, в то время как в Украине – 1,9%, России – 0,8% [Куценко 2006, с. 51];

Создание либерального климата как предпосылки создания привлекательных для иностранного капитала условий;

Переход ключевых позиций в экономике в руки крупного иностранного капитала;

Безальтернативный либерализм малых государств, которые не в состоянии противостоять транснациональным корпорациям;

Включение стран региона в глобальную классовую структуру. В глобальной классовой структуре позиции крупной буржуазии оказываются за пределами

национальных государств. Возникает странный для былых эпох феномен: «капитализм без капиталистов» [Eyal et al.]. Их функцию выполняют иностранные, часто транснациональные компании, чьи штаб-квартиры находятся за границей.

Одновременно новый средний класс (наемные профессионалы) также формируется под давлением глобализации. Центры разработки технологий сдвигаются в наиболее развитые страны мира. Именно там концентрируется глобальный новый средний класс, интеллектуально обеспечивающий производство и развитие инфраструктуры в посткоммунистических странах Восточной Европы. В посткоммунистических странах новый средний класс формируется за счет профессий, обеспечивающих сбыт импортируемых товаров, менеджеров, организующих производство по схемам и технологиям, разработанным за границей.

Государственно-капиталистический путь

Классообразование в контексте этого пути приобретает специфические формы:

Государство в своей экономической политике ориентируется на формирование рыночной экономики как долгосрочной перспективы и берет на себя обязательства по формированию ее инфраструктуры;

Государство выступает на внутреннем рынке как ключевой капиталист (работодатель и инвестор), в той или иной мере принимающий рыночные правила игры. Правда, этот рыночный игрок имеет слишком много власти, чтобы честно играть в конкурентные игры;

Государственные компании формируют каркас экономики. Являясь государственными с точки зрения структуры собственности, они действуют, как и частный бизнес, повинаясь логике рынка, которая часто корректируется «интересах общества»;

Государство жестко регулирует рыночную конкуренцию в собственных интересах, выступая в двоякой роли: с одной стороны, это один из экономических субъектов, а с другой – разработчик рыночных правил и оперативный регулятор рынка;

Одним из ключевых факторов успеха частного бизнеса являются его «хорошие отношения» с государством.

Предпосылками развития по этому пути являются:

1. Собственные ресурсы, дающие шанс на участие национального государства в глобализации в качестве активного субъекта. Только возможность создания государственных компаний, сопоставимых по своей мощи с транснациональными корпорациями, делает возможным этот путь.

2. Историческая память о былом великодержавном статусе. Этот сугубо духовный фактор, овладев умами бюрократии и существенной части народа, превращается в материальную силу, оказывающую влияние на процесс формирования социальной структуры. Государственно-капиталистический путь опирается на государственный национализм, ядром которого является национальная идея, сводимая в своей сути к созданию великой (в геополитическом смысле) державы.

3. Мощная бюрократия, являющаяся главной и самой организованной силой общества.

Государственный капитализм, как и любой иной капитализм, в качестве главного стимула имеет прибыль. Однако это прибыль, являющаяся инструментом усиления самого государства.

Пионером государственно-капиталистического пути развития стал Китай. После потрясений и хаоса культурной революции новое руководство Коммунистической партии Китая взяло курс на развитие рыночной экономики как магистрального пути модернизации страны. И хотя в долгосрочной перспективе в идеологии обозначается социалистическая перспектива, в настоящем идет строительство реального капитализма. Эта модель опирается на разные традиции. С одной стороны, это опыт социалистической модернизации, в основе которого концентрация ресурсов в руках государства. В современном Китае этот опыт скорректирован: сохранен политический механизм государственного управления, но изменена стратегия его использования в социально-экономической сфере. С другой стороны, это опыт капиталистической модернизации, накопленный в Южной Корее, Республике Китай (Тайване), Сингапуре и ряде других стран Азии. В его основе сочетание рыночной политики, проводимой сильным государством, не позволяющим себе роскоши демократии. Переход ряда стран этой группе к политической демократии начался после прохождения фазы мощного экономического рывка.

С 1986 г. на путь социалистической перестройки встал Вьетнам. Первоначально это была попытка идти в фарватере политики КПСС, направленной на обновление социализма на путях демократизации и использования рыночных механизмов. Даже

хронологически политические изменения в СССР и Вьетнаме совпадали. Однако советский путь быстро привел к катастрофе ведущей державы социалистического мира. Россия снова дала урок всему миру, показав как не надо делать реформы. Главный урок – понимание риска формальной демократии, чреватой хаосом. В этих условиях руководство Вьетнама быстро переориентировалось на использование китайского опыта. Как и в Китае, здесь началось строительство капитализма с социалистическим лицом, т. е. развитие рыночной капиталистической экономики при сохранении государства как ключевого института рыночного регулирования и коммунистической идеологии, ориентирующей на то, что капитализм сегодня – это лишь ступенька к социализму завтра.

Олигархический вариант классовообразования в том виде, в котором он имел место в России, создал ситуацию, которая интерпретировалась политической элитой в конце XX в. как дилемма: либо деградация страны, либо государственный капитализм. Уже в 1990-е годы российская элита начала сомневаться в верности ориентации переходного общества на модели западной демократии. Сомнения зазвучали из разных лагерей. Правые обратили внимание на опыт рыночного антикоммунистического авторитаризма. Активно обсуждались чилийские реформы Пиночета. Привлекали и экономически успешные режимы Восточной Азии. Левые сразу начали указывать на опыт Китая, который проводит рыночные реформы при сохранении «социалистической» надстройки и коммунистической идеологии.

Эволюция В. Путина в сторону государственного капитализма – это логически обоснованная эволюция системы, сформировавшейся в 1990-е годы и ищущей выхода из тупика, в который она попала в силу хаотичности проводившихся реформ. Любой иной лидер, вышедший из элиты той эпохи, начал бы двигаться в том же направлении. Ключевыми вехами отхода от олигархической модели в России стало выдавливание из политического и бизнес-пространств Гусинского, Березовского, Ходорковского. Остальные олигархи национального и регионального уровня начали быстро перестраиваться. Отношения с властью были решающими для российского бизнеса на всех этапах постсоветской истории, но как отмечает А.А. Яковлев [Яковлев 2005, с. 39], в 1990-е годы бизнесмены договаривались с отдельными чиновниками и политиками, теперь же «попытались обратиться к власти в целом, олицетворяемой президентом Путиным».

Аргументы в пользу государственно-капиталистического пути лежат, прежде всего, в сфере экономики. Китай и Вьетнам демонстрируют устойчивые высокие темпы роста. Россия начала выходить из фазы кризисного развития именно сделав шаг в этом же направлении. Правда, пока нет оснований для высокой оценки политической составляющей этого процесса. Во-первых, новый этап в истории постсоветской России совпал с резким взлетом цен на энергоносители, что никак не связано с курсом Кремля. Во-вторых, то, что официальными лицами выдается за экономический успех, на самом деле является лишь процессом выхода на дореформенный уровень [См. *Шкартан* 2006, с. 4–5].

Государственный капитализм имеет много общего с этакратическим обществом. Прежде всего, это отношения «власть-собственность». Но последний включает государственную собственность и общие механизмы государственного регулирования социально-экономических процессов в рыночный контекст. В результате государственный капитализм воспроизводит классовую структуру, присущую капитализму, в то время как этакратизм – это бесклассовое, слоевое общество. Современная Россия находится на распутье: она может эволюционировать как пути государственного капитализма, так и пойти в сторону классического этакратизма. Правда, этот вариант в современных условиях кажется маловероятным, если не произойдет радикальное ухудшение международного положения страны, что чревато ее превращением в осажденную крепость. Этакратизм же – оптимальный режим для страны, находящейся в осаде.

Бюрократическое классовобразование

Суть этого пути в явочной приватизации государственной власти чиновниками как частными лицами. Капитал – это, как отмечал еще К. Маркс, не имущество, а социальное отношение. Его содержание – экономическая власть. Государство имеет экономическую власть, которая при определенных обстоятельствах поддается приватизации. Чиновник нелегально превращает свое рабочее место в государственном аппарате в свое частное предприятие, которое регулирует потоки информации и процесс принятия решений в частных интересах. Государственная служба становится бизнесом. Здесь происходит формирование и обращение бюрократического капитала. Этот путь легко сочетается и с либеральным, и с государственно-капиталистическим

вариантами развития. Эти два пути бюрократизации различаются балансом сил между клиентом (частным бизнесом) и поставщиком услуг (чиновником).

Особенно благоприятной средой является либеральный путь развития в условиях социальной дезорганизации (Россия 1990-х годов – классический случай). Баланс сил в связке крупный бизнес – чиновник (политик) явно на стороне первого. Как и на любом нормальном рынке, клиент всегда прав. У чиновника простой выбор: либо честно жить на очень скудную зарплату, либо продать свою услугу тому, кто в ней нуждается. Коррупция рассматривается в аппарате как форма нормального бизнеса, не вызывая ни моральных, ни правовых сомнений. Она вполне согласуется с принципом либеральной морали, утвердившимся в стране в 1990-е годы: морально все, что служит личному обогащению, а значит и святой цели строительства капитализма. Этот тезис является отредактированным применительно к новой эпохе тезисом В.Ленина, в котором была сформулирована столь же инструментальная сущность коммунистической морали: морально все, что служит делу коммунизма.

В условиях государственно-капиталистического пути навязывается новая мораль, в которой высшей ценностью является благо государства. Но что такое государство? Если уйти от демагогии к четко фиксируемым фактам, то государство – это машина (аппарат), управляемая чиновниками и политиками. Поэтому по сути дела благо государства – это корпоративное благо этой социальной общности. Формирование бюрократического капитала противоречит логике государственного капитализма и его морали, частный интерес предприимчивого чиновника вступает в острое противоречие с корпоративным интересом аппарата.

Порой это противоречие принимает форму открытого конфликта: коррупционеры отдаются под суд. Китай демонстрирует образцы самой беспощадной борьбы с частными интересами чиновников, игнорирующими благо государство. Длительное тюремное заключение и смертная казнь – нередкое проявление конфликта двух моделей. В России 1990-х годов коррупция на уровне практики рассматривалась как неизбежное зло, по своей сути работающее на благо строительства капитализма. Редкие анти-коррупционные скандалы принимали форму черного PR: дела обсуждались в СМИ, но в правоохранительных органах, если доходили до них, угасали на самых ранних стадиях.

Судить о динамике коррупции в России сложно в силу того, что этот процесс по определению скрыт от глаз. Точные методы ее изучения могут в лучшем случае лишь

охарактеризовать масштабы явления в самых общих терминах. Кроме того, нельзя рассматривать масштабы коррупции в отрыве от динамики экономического развития страны: чем меньше производят, тем меньше дают и берут в административных сделках. Но очевидно, что коррупция была и является системной чертой отечественного аппарата управления. Однако политика в отношении нее начала меняться. Появились уголовные дела по обвинениям в коррупции, в т.ч. и чиновников высокого ранга. Можно, конечно, спорить о том, в какой мере деятельность правоохранительных органов носит избирательный характер, политически мотивирована и отражает борьбу в аппарате. Но это второй пласт вопросов. В основе же лежит проявление противоречия между государственно-капиталистической моделью развития и частным бюрократическим капиталом.

Тенденция бюрократизации аппарата как процесса приватизации государственной власти в принципе неискоренима. Она вытекает из логики частного интереса, который всегда сильнее логики корпоративного интереса. Противоречие между ними может решаться только на основе негативных административных и правовых санкций: от лишения премии и выговора до смертной казни. Однако соблазн накопления бюрократического капитала в сочетании с невозможностью полного контроля всех административно-рыночных трансакций пересиливает страх. Китай дает яркие доказательства этого тезиса: коррупция сохраняется, несмотря на самые жестокие наказания. Россия не демонстрирует столь жесткого подхода к взяточничеству, поэтому здесь этот механизм еще менее эффективен.

Государственно-капиталистический путь связан с процессами накопления бюрократического капитала противоречивым образом. С одной стороны, политика и идеология этого пути требует если не искоренения коррупции, то, по крайней мере, уменьшения ее масштабов, поскольку это явление подрывает основы государственного капитализма. С другой стороны, этот путь порождает системные механизмы, стимулирующие коррупцию. Чем больше бизнес зависит от государственного регулирования, тем сильнее необходимость в приобретении административных и политических услуг, обеспечивающих успешное или просто нормальное его функционирование. Чем больше у государства формальных прав, тем больше у отдельного чиновника возможностей воспользоваться этими правами в своих интересах. Из этой логики вытекает либеральное решение проблемы: чем меньше прав у государства в сфере экономики, тем меньше возможностей для коррупции.

Усиление роли государства как заказчика порождает «откатный бизнес», процветающий в современной России. Чиновник от имени государства обеспечивает какой-то фирме госзаказ, получая себе процент от сделки. Это типичный механизм работы бюрократического рынка, где идет в больших масштабах накопление бюрократического капитала.

Формой этого же процесса является создание частных фирм с явным или скрытым участием в них чиновников и политиков. Нередко это фирмы родственников. И придраться к этому с точки зрения закона трудно: родственники тоже граждане страны. Но за безупречной юридической чистотой просматривается нередко трудно доказуемый бюрократический капитал.

Формирование традиционного среднего класса

Традиционный средний класс – это мелкие собственники капитала, выполняющие одновременно функции менеджеров, а часто и рабочих. Переход бывших соцстран к рынку открыл возможности для легального формирования этого класса. До этого такие возможности были только в Польше и Югославии. С одной стороны, пошла приватизация мелких государственных предприятий и магазинов, а с другой – были сняты запреты на накопление капитала в процессе предпринимательской деятельности. Общая логика формирования этого класса приобретает более или менее существенные национальные особенности.

Для всех посткоммунистических стран важным фактором развития мелкого предпринимательства стала глобализация: железный занавес рухнул и через его завалы пошли потоки товаров. Получил расцвет так называемый «челночный бизнес». В Европе его пионерами стали поляки, включившиеся в мелкую международную торговлю задолго до начала антикоммунистических революций. В Азии такими пионерами стали китайцы, а затем вьетнамцы (многие из них – бывшие рабочие, привезенные в СССР и ГДР в рамках социалистической интеграции). По путям, проторенными ими, пошли чуть позднее все страны, вставшие на путь перехода к рыночной экономике. Именно в сфере мелкой международной торговли, часто принимавшей формы контрабанды, развернулось первоначальное накопление капитала, независимого от государства. Это модель формирования капитализма снизу.

Постепенно этот путь начал исчерпывать себя. В эту сферу пришли крупные и средние компании-импортеры [см. *Ильина, Ильин 2000*].

К челночной торговле примыкает и прямо переплетается с ней мелкая розничная торговля. С одной стороны, сами челноки вставали за прилавок, с другой стороны, большинство мелких торговцев занимались сбытом товаров, импортированных из-за границы. Именно мелкая торговля стала для всех посткоммунистических стран главной сферой формирования нового среднего класса.

Возможности мелкого производства в современном мире относительно ограничены. Конкурировать с конвейером крайне сложно. Кроме того, мелкий производитель сталкивается с ключевой проблемой рекламы, продвижения и сбыта. Одной из ниш для мелкого производителя становится работа по контракту с крупными и средними фирмами, берущими на себя маркетинговые функции. В целом переходный период не дал простора для развития мелкого производства. В некоторой степени исключением стали Китай и Польша, где появилось большое количество мелких мастерских, занимавшихся производством одежды и обуви, нередко копировавших крупные бренды. В 1990-е годы эти страны вместе с Турцией играли заметную роль в насыщении рынков России и Восточной Европы дешевыми товарами.

В период подготовки рыночных реформ повсеместно были надежды, что деколлективизация и воссоздание класса мелких производителей приведут к аграрному чуду. В некоторых странах, действительно, произошел подъем в аграрном секторе (например, в КНР, где произошел переход от коммун к мелким частным хозяйствам). Вьетнам благодаря аграрной реформе вышел на уровень самообеспечения рисом. Однако фермерство в основном опирается на самый примитивный ручной труд.

В Восточной Европе, с одной стороны, были сняты ограничения на ведение частного фермерского хозяйства, с другой стороны, эти хозяйства столкнулись в рамках интегрированной Европы с мощной конкуренцией со стороны более развитых стран, где доминируют крупные и средние фермы. Польша – это страна, где крестьянство никогда не переставало существовать. Однако, по мнению многих аналитиков, в условиях рыночного общества крестьяне оказались в более сложном положении, чем при коммунистической власти. Европе нужны высокоэффективные фермеры, а не крестьяне, озабоченные самообеспечением. В польском селе сложилась уникальная ситуация: здесь слишком много мелких частных хозяйств. То, что допустимо в Азии, оказывается проблемой в Европе. В странах Восточной Европы и в России, где

был взят курс на реструктуризацию крупных аграрных хозяйств, новые мелкие фермеры, не имея ни соответствующей инфраструктуры, ни традиций, ни адекватной техники, столкнулись с еще большими трудностями.

Либерализация в условиях слабого государства породила рэкет как мощный фактор формирования традиционного среднего класса. Бандитские группировки или частные охранные предприятия начали брать на себя функции, которые не способно выполнять государство, взимая за это соответствующую плату, часто принимавшую форму параллельного налогообложения. В принципе рэкет – это универсальное явление, сопутствующее быстрому развитию мелкого бизнеса в условиях слабого государства, неспособного поддерживать жесткий контроль порядка на рынке. Но Россия показала классические образцы данного феномена, приобретшего в 1990-е гг. огромные масштабы.

Сдвиг России в сторону государственно-капиталистической и бюрократической моделей классовообразования внес в этот феномен существенные изменения. Сугубо бандитский рэкет начал оттесняться на задний план или вообще исчезать, не выдерживая конкуренции с «крышами» правоохранительных органов. С одной стороны, последние предлагают (иногда в форме не предполагающей отказа) вполне официальные охранные услуги. С другой стороны, получили широкое распространение охранные предприятия, организуемые бывшими работниками милиции или органов государственной безопасности. С одной стороны, это частные фирмы, а с другой – они имеют тесные деловые связи с государственными правоохранительными органами.

Сдвиг России в начале XXI в. сторону государственно-капиталистической модели внес коррективы в социальный статус традиционного среднего класса. Укрепление государства обернулось тенденцией к превращению формального налогообложения в реальное. Мелкий бизнес утратил былую прибыльность. Регулярное столкновение государственного или даже муниципального интереса с интересами разрозненных мелких бизнесменов не оставляет последним шансов на успех. Нередко за защитой «общественного интереса» стоит лоббирование со стороны крупного бизнеса. Типичный пример: расчистка улиц многих городов от ларьков, преобразование городских рынков в торговые комплексы и т. д.

Формирование нового среднего класса наемных профессионалов

Новый средний класс – это наемные профессионалы, которые выходят на рынок труда с более или менее существенным культурным капиталом, обеспечивающим получение соответствующих дивидендов, существенно перевешивающих по своему размеру заработную плату. Последняя сопоставима со стоимостью рабочей силы.

Новый средний класс – это категория, которая может наполняться в разных условиях различным содержанием. Либерально-олигархический вариант развития России 1990-х годов создавал своеобразный контекст для формирования данного класса.

1. Деиндустриализация страны перекрывала путь в его ряды многочисленной интеллигенции, которая вливалась в беловоротничковый рабочий класс.

2. Деиндустриализация и подрыв государственного бюджета перекрывали этот путь и для научных работников, которые превращались в парадоксальную для современного мира группу научного рабочего класса.

3. Демилитаризация экономики подорвала ядро ее промышленного потенциала, заблокировав путь в новый средний класс наиболее квалифицированной части специалистов [См. подробнее *Шкаратан* 2006, с. 11].

4. Интеграция страны в глобальную экономику в качестве сырьевого придатка создавала наиболее благоприятную среду для формирования нового среднего класса в сырьевых экспортных отраслях (прежде всего, в нефтегазовой).

5. Превращение России в рынок для сбыта иностранных товаров создал основу для формирования нового среднего класса в сфере оптовой и розничной торговли.

Государственно-капиталистическая модель развития влияет и на формирование нового среднего класса и в КНР, и в России. Обе страны не могут и не хотят интегрироваться в западный мир, где они могут быть лишь на второстепенных ролях. Собственные претензии на статус великих держав создают благоприятные перспективы для развития научно-технического и военного нового среднего класса.

Во-первых, государство начинает инвестировать больше средств в отрасли, обеспечивающие обороноспособность, и соответствующие научные направления. Это и прямые инвестиции, и государственные заказы. В этих условиях появляется

вероятность интеграции части научных, инженерных и менеджерских кадров из ВПК в новый средний класс.

Во-вторых, растущий статус бюрократии является основой для превращения ее наиболее успешных слоев в часть нового среднего класса. Правда, этот процесс роста легальных доходов чиновников имеет лишь косвенную связь с рынком, если не считать конкуренции государства с частным бизнесом за привлечение квалифицированных специалистов.

В-третьих, милитаризация открывает благоприятные перспективы для такой мобильности и для высших слоев российского офицерства.

Эта тенденция опирается на советские милитаристские традиции: ядром советской социально-экономической системы был ВПК, где были сосредоточены наиболее квалифицированные научные и инженерные кадры. После развала СССР Россия унаследовала 82% его военно-промышленного потенциала [См. подробнее *Шкаратан 2006*, с. 10–11].

Рабочий класс

Если рассматривать классовую структуру как атрибут лишь рыночного общества, то о существовании рабочего класса в этатрагическом обществе не могло быть и речи. Там был слой рабочих, но не класс. В процессе перехода к капитализму начинается трансформация слоя, основанного на определенном месте в системе государственного производства, в класс.

Страны Восточной Европы, вошедшие в европейское сообщество, сразу начали вписываться в рамки давно сформировавшегося там социального государства. Завоевания рабочего класса Западной Европы в существенной мере начали превращаться в гарантии и новых групп рабочих.

Рабочий класс этой группы стран в наибольшей степени формируется под давлением процессов глобализации, оказывающих на него противоречивое воздействие. С одной стороны, более низкая цена рабочей силы в Восточной Европе стимулирует приток сюда капиталов из Западной Европы, что ведет к созданию новых рабочих мест на предприятиях, которые в той или иной степени тяготеют к западным стандартам. С другой стороны, высокотехнологичные производства, существовавшие в Восточной Европе не выдерживают конкуренцию с более развитыми фирмами Запада. В

результате сложный высококвалифицированный труд в этом регионе вытесняется более простыми видами труда.

В условиях либерально-олигархической модели российского типа рабочие прошли через болезненные процессы классовообразования. Приватизация начиналась как «народная»: все рабочие получили возможность стать собственниками акций своих предприятий, что создавало иллюзию движения в сторону «народного капитализма». Однако вскоре реальная жизнь внесла коррективы в эту схему. Жестокий экономический кризис свел стоимость акций большинства предприятий к минимуму, порою уравнивая со стоимостью бумаги, потраченной на их печатание. Систематические и продолжительные задержки заработной платы во многих отраслях стимулировали рабочих продавать свои акции за бесценок. В кратчайшие сроки рабочие лишились акционерного капитала. Государство, которое однозначно ориентировалось на защиту интересов нарождающегося класса собственников капитала, ничего не делало, чтобы приостановить процесс, который имел характер неприкрытого грабежа. Классовые отношения в России 1990-х годов приобрели формы, характерные для ранней фазы дикого капитализма, пройденной Западом еще в XIX – начале XX вв.

Государственный капитализм переводит эксплуатацию рабочих в ранг государственной политики. Низкая стоимость рабочей силы и безусловная дисциплина в контексте этой модели превращаются в фактор укрепления государственной мощи. Бастующие рабочие угрожают уже не частной прибыли, а национальной идее. В наиболее чистом виде эта классовая политика прослеживается в КНР, где действует традиционная коммунистическая политическая система, в которой профсоюзы выполняют роль «приводного ремня» от партии к массам, обеспечивая их мобилизацию на трудовые подвиги во имя модернизации страны. При этом все проявления независимого рабочего движения рассматриваются через призму национальной безопасности. Во Вьетнаме, с одной стороны, профсоюзы также интегрированы в политическую систему как инструменты трудовой мобилизации, но в то же время власти снисходительно относятся к всплескам рабочего протеста на частных предприятиях, стимулируя быстрое решение трудовых конфликтов с учетом требований рабочих. В России процесс идет в том же направлении. С одной стороны, в конце 1990-х годов исчезло активное рабочее движение, забастовки стали редкостью. С другой стороны, власть приняла законодательные меры для стабилизации трудовых отношений в интересах работодателей. Новый кодекс законов о труде существенно

свернул права профсоюзов, сделал почти нереализуемым право на забастовку, но в то же время появились возможности судебного преследования работодателей, задерживающих выплату заработной платы. Судебная практика в целом все более явно приобретает антирабочий характер.

Резюме

Классообразование – это социальный процесс, являющийся неотъемлемой частью более широкого процесса перехода (возврата) к капитализму. Содержание этого процесса приобретает разные формы, обусловленные как историческим прошлым, так и современным положением конкретных стран. В последней группе факторов немаловажную роль играет геополитическое положение страны, ключевой характеристикой которого являются ресурсы, дающие или исключающие шансы на борьбы за статус великой державы, играющей в мире относительно самостоятельную роль. Но ресурсы носят дискурсивный характер: их смысл формируется в процессе коллективного определения реальности. Иначе говоря, сами по себе природные и демографические ресурсы России или Китая не определяют их втягивание в гонку за превращение в центры мировой политики. Амбициозные элиты могут и очень ограниченные ресурсы бросить на кон своей политической игры.

Россия, испробовав в 1990-е годы олигархически-либеральный путь развития, в начале XXI в., в период президентства В. Путина, начала двигаться в сторону государственно-капиталистического варианта классового образования, переплетающегося с бюрократическим вариантом. Это путь, по которому ранее пошли Китай и Вьетнам. Государственно-капиталистический путь содержит в себе риск обратного движения к классическому этатизму, но этот риск может превратиться в реальность лишь при определенных условиях: например, если идея державного величия, овладевшая правящей элитой, переплетется с ростом внешних рисков и изоляцией страны.

В то же время другие европейские страны, вышедшие из советского блока, явно движутся по пути либерального классового образования, проходящего под мощным воздействием процессов глобализации.

Литература

Ильина М., Ильин В. Российский базар: социальная организация и маркетинг. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2000.

Куценко О.Д. Расходящиеся общества: особенности системной трансформации в России и Украине // Мир России. 2006. № 3.

Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский или история разграбления России / Пер. с англ. М.: Детектив Пресс, 2001.

Шкаратан О.И. Российский порядокб вектор перемен. М.: Вита-пресс, 2004.

Шкаратан О.И. Факторы и последствия реформ по-российски // Мир России. Т. XV. 2006. № 3.

Яковлев А.А. Власть, бизнес и движущие силы экономического развития России: до и после «дела ЮКОСА» // Общественные науки и современность. 2005. № 1.

Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. Making Capitalism without Capitalists. London, N.Y.: Verso, 1998.

Hellman J.S., Geraint J., Kaufman D., Schankerman M. Measuring Governance, Corruption and State Capture. How Firms and Bureaucratic Shape the Business Environment in Transition Economics // World Bank Policy Research. Paper 2312. 2000. April.